

УДК 025.171:821.161.1(470+571-25)“19”

Л. М. Сорокина,

старший преподаватель

Московского гуманитарного института имени Е. Р. Дашковой

КУЛЬТУРОНИМ МОСКВЫ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА “МАСТЕР И МАРГАРИТА”

Литературная география Москвы, изучение культуронима Москвы в творчестве М. А. Булгакова имеют огромное значение для дешифровки образности и символики бессмертного романа “Мастер и Маргарита”. Московские маршруты, топонимика, историко-культурные реалии, представленные в романе, являются основой для реконструкции смысловой наполненности булгаковской Москвы.

Ключевые слова: литературная география, М. А. Булгаков, “Мастер и Маргарита”, культуроним, топоним, московские маршруты.

Литературная география Москвы вмещает в себя множество аспектов, одним из которых является влияние города, городского пространства на творчество того или иного писателя. Рассмотрим данную проблему на примере творчества М. А. Булгакова, в частности, на примере самого московского романа писателя — “Мастера и Маргариты”.

Интересно, что П. Флоренским была сформулирована идея органопроекции, суть которой заключается в том, что орудия, вещи и жилища, созданные человеком, суть его образ и подобие, они антропоморфны, являются фактическим продолжением человеческого тела. Как следствие, логос человеческого бытия выводится из идеи собирания “человеков в круге бытия”. Таким образом, Город в произведении писателя — это не только культурное пространство, культурный код, но и основа его мировоззрения, миропонимания.

Переехавший в 1921 г. в Москву после многих мытарств и скитаний, бежавший из гетманского, а затем большевистского Киева, Булгаков в Москве искал следы той прежней жизни, которая сформировала его мировоззрение. Но именно иногородность, чужеземность писателя позволила ему осознать весь масштаб гибельности происходящего, понять Москву, ее прошлое, настоящее и будущее. Как парадоксально это не звучит, идея Города постигается не столько жителем, сколько “временщиком-наездником”¹. Образ города ясен и четок “не сколько в текстах памятников, сколько именно в книгах путешественников, их планах, картах, романах и трактатах”². Путешественник, согласно Бл. Августину, приезжает со своей оптикой мышления, которая и позволяет ему уловить саму идею, контекст города.

¹ Цит. по: *Петровский М. С.* Мастер и Город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001. С. 55.

² Там же.

Для раскрытия темы влияния культурного контекста города на творчество Булгакова необходимо рассмотрение московских контекстов через призму киевских, а также определение влияния именно московских контекстов на роман “Мастер и Маргарита”. Культуросфера Москвы помогает выявить подлинную философскую и нравственную глубину романа, в которой далеко не последнюю роль играет мифопоэтическое пространство столицы.

С первой по последнюю, посмертную, редакции романа местом действия, с которого и начинается, собственно, текст, были Патриаршие пруды. Еще нет Мастера, нет Маргариты, но в художественной ткани романа сразу же видны два пересекающихся пласта романа — Происшествие на Патриарших и рассказ об Иешуа и Пилате. Обе эти темы сосуществовали в романе в самом начале замысла.

Еще в справочнике “По Москве”¹ издания Сабашниковых от 1917 года, сказано: “...на Патриарших начинается одна из малопривлекательных, но очень характерных местностей Москвы, где до сих пор еще, рядом с современными многоэтажными домами, попадаются вросшие в землю деревянные домики. Место это, низменное, нездоровое, некогда было настоящим болотом, Все пространство, занимаемое теперь Козихинским и Ермолаевским переулками, отчасти улицами Большой и Малой Бронной, а также Спиридоньевской, называлось раньше (XVI–XVII ст.) Козьим болотом. Некоторые исследователи думают, что слово “болото” употреблялось, как название места, где торговали битым скотом, привезенным из святительских (патриарших) вотчин. Но многочисленные показания современников, а затем и сырость этой местности заставляют думать, что здесь было подлинное болото”².

Один из вариантов заглавия романа “Консультант с копытом” можно воспринимать как намек на неназванного героя — Воланда. Из Козьего болота брала исток речка Черторья (Черторый). Протекала эта река между современными Никитскими воротами и Мерзляковским переулком, по внешнему проезду Гоголевского бульвара, через Кропоткинские (Пречистенские) ворота. Район от Патриарших прудов вплоть до Пречистенки и Остоженки, а также все Приарбатье, в старину именовали Черторьем или Чертольем. Пречистенка была главной улицей Чертолья и именовалась Чертольской улицей. В приустьевой части берега Черторья берега были настолько топкими, что весной и осенью Черторый был непроходим. В главе “Погоня” последней редакции романа Воланд ускользает от Иванушки Бездомного как раз по течению ныне несуществующего Черторья.

Пречистенка относилась к числу чертольских улиц. Набожный царь Алексей Михайлович ездил по Чертольской улице к Новодевичьему монастырю. По указанию патриарха Гермогена, на месте Козьего болота разбили три пруда, в которых разводили рыбу к столу патриарха. Из трех прудов сохранился до наших дней лишь один, но его по-прежнему именуют “Пру-

¹ По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917. С. 246-248.

² Там же, С. 267

ды”. О пристрастии патриарха Гермогена к рыбным блюдам напоминает переулочек Трехпрудный, который огибает Патриарший пруд и тянется от Ермолаевского переулочка до Козихи.

И. Е. Забелин¹ осуществил глубокий анализ топонимов, выявленных в письменных памятниках и летописных сводах и, в частности, отметил, что Черторьем или Чертольем издревле считалась местность Белого города и крепостного посада, расположенная с западной стороны Кремля по высокому берегу реки Черторыи и составлявшая угол Занеглименья. То есть, если определить современные Булгакову границы Чертолья, на карте образуется некий треугольник, углами которого будут Пречистенка, Арбат и Смоленский бульвар, а центром как раз Патриарший пруд.

Река Черторыя или Черторья (то есть чертова) в летописных сводах всегда употреблялась именно в женском роде, а в дохристианские времена по берегам Черторыи располагалось языческое капище. В разгадке топонимов Черторыи принимал активное участие и профессор Э. М. Мурзаев², который в символике Чертовой реки увидел отчетливую связь с мифологическими представлениями язычников. Ученый опирался, в свою очередь, на работы Н. И. Толстого, который выводил этимологию слова “черт” в народной топографической номенклатуре из понятия “топь” (тихий омут, болото). Сопоставляя слова “черт”, “Чертолье” с такими топонимами, как бутырки, кулижки, котлы, враги (овраги), можно выявить связь между Чертольем и “Сивцевым вражком”, районом между Арбатом и Пречистенкой, где летом 1924 года жил М. А. Булгаков³. И топонимически, и географически Сивцев вражек входит в Чертольский треугольник, а идиоматическое выражение “к черту на кулички” связано, среди прочего, и с районом Козихи и Патриарших прудов.

В ранних редакциях романа Воланд слегка изменяет маршрут: он мелькает то на Мясницкой, то на Тверской, на телеграфе, но неизменно возвращается в Савельевский переулочек, который в последней редакции романа назван “унылым и гадким”. Таким образом, при возможных отклонениях маршрут Воланда один — от Патриарших прудов к Савельевскому переулочку, по границам исторического Чертолья.

Как известно, в романе Воланд называет себя “путешественником”. Оптика мышления Воланда позволяет этому герою заметить, как изменилась Москва, причем, сначала — именно в районе Патриарших. Само название — Патриаршие — постоянно используемое Булгаковым вместо уже привычного его современникам-москвичам названия “Пионерские” позволяет взглянуть на Город с точки зрения христианской, православной традиции. Гибель Москвы как Третьего Рима для Булгакова была трагедией вселенского масштаба.

Интересно, что на углу Ермолаевского переулочка и Малой Бронной, как раз там, где появился трамвай, убивший Берлиоза, была расположена

¹ Забелин Е. И. История города Москвы. Неизданные труды. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003. С. 138.

² Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

³ М. Булгаков проживал летом 1924 г. по адресу Обухов (Чистый) переулочек, кв. 4.

снесенная большевиками Ермолаевская церковь, славившаяся своим колокольным звоном. В народе говорили: “На Ермолае звонят, пол-Москвы слышит”. Заселенное в начале XVII ст. и превращенное патриархом Гермогеном в Патриаршьё подворье Чертолье стало в эпоху патриарха неким духовным центром, местом чистым, увенчанным сооруженной в 1610 г. церковью Святого Ермолая.

Одной из базовых мифологем русского города, как известно, является мифологема чистого пространства. Элементы городского пространства тяготеют к центру, к Храму. Например, нынешняя, каменная церковь Ильи Обыденного, один из храмов Чертолья, выстроенная на месте деревянного храма в 1702 г., знаменита тем, что никогда не закрывалась. Даже в безбожные сталинские годы в храме проходили церковные службы и звонили единственные на всю Москву колокола. Особая гордость храма — иконы, написанные изографом Симоном Ушаковым. Кстати, именно в храме Ильи Обыденского по завещанию отпевали покойного М. А. Булгакова.

Храм географически приходится как раз на третий угол Черторья. Таким образом, Черторье, единственное место в городе, окаймленное православными храмами, центром имело пруд, водоем чистый, Патриарший. Почти все, знавшие Булгакова, отмечали его пристрастие к пешим прогулкам по Москве, причем не раз бывал Михаил Афанасьевич именно в районе Патриарших. Как пишет в своей повести “Михаил Булгаков”¹. Из записок разных лет” Сергей Ермолинский, Михаил Афанасьевич “до страсти любил рыться в старых журналах, особенно исторических, архивных, собирал словари, лексиконы, справочники, считал, что их должно быть как можно больше, по всем вопросам, всегда под рукой, без них литератору нельзя”². Далее Ермолинский замечал: “Даже самая сухая справка в “Брокгаузе и Эфроне” может подействовать на воображение, становясь самой важной для достоверности смысла”³.

Исторические (святые или проклятые) места всегда являются предметом особых переживаний и рефлексий. В данном контексте хотелось бы привести следующие слова С. Н. Трубецкого: “Паломник путешествует по святым местам, переполненным событиями и представляющим на каждом шагу материальные, осязаемые следы ветхозаветных и новозаветных воспоминаний. Он несет в себе самом, в своем сознании особую атмосферу благочестивых чувств, мыслей, настроений и представлений, и окружающий мир, внешняя обстановка святой Земли действуют на этот внутренний мир паломника как мощный резонатор, повышая интенсивность всех его переживаний, мыслей и чувств”⁴. Святые места, переполненные событиями и именами, — неотъемлемая составляющая художественного мира

---

¹ Ермолинский С. О времени, о Булгакове и о себе. М.: Арграф, 2002. С. 381.

² Ермолинский С. Драматические сочинения. М.: Искусство, 1982, С. 624.

³ Там же, С. 626.

⁴ Цит. по: *Рождественская М. В.* Рай “мнимый” и рай “реальный”: древнерусская литературная традиция // Образ рая: от мифа к утопии. Серия “Symposium”, Вып. 31. СПб, 2003. С. 100.

М. А. Булгакова. В булгаковском художественном пространстве фигурируют “вечные города” — Киев, Иерусалим, Рим, Москва.

Интересно, что в Иерусалиме существовали пруды, подобные Патриаршим, Верхний и Нижний. Истоком нижнего пруда был восточный склон горы Сион, и именовался исток этот “Драконьим источником”. Как пишут в книге “Москва в свете новой хронологии” Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко¹, “драконий” переводится как чертов. В Киеве, близ Владимирской горки, в Днепр в былые времена впадала речушка с названием: Черторой или Черторыя. Известный киевский краевед середины XIX ст. Николай Сементовский² так описывает бассейн реки Днепр: “Лысая гора Киевская, издревле знаменитая бываемым на ней собранием Киевских, как самых старших ведьм, по простонародному верованию русских людей, находится за Черторыею, на левом берегу Днепра. Она вполне выказалась, когда мы приблизились к истоку Черторыи: вот она вдали, длинная светло-желтая песчаная полоса, подымавшаяся в горизонт несколько выше окружающей ее местности. Это знаменитая Лысая Гора, главнейшая резиденция наших русских ведьм”³.

В дохристианские времена от Лысой Горы до устья Черторыи тянулось громадное капище Перуна, разрушить которое приказал князь Владимир. Крещение, собственно, проходило вблизи Черторыйских вод в реке Почайне. Место слияния Днепра и Почайны было своеобразным аналогом Иордана. Киев же в представлении верующих воспринимался как Иерусалим. Существует древнейший христианский миф о Киеве — Иерусалиме, “воскрешенный” в начале XVII ст. Дмитрием Ростовским и Феофаном Прокоповичем. В XIX ст. этот миф приобретает вид устойчивой формулы “Киев — Иерусалим земли русской”.

Этот миф был разрушен в эпоху воинствующего атеизма — вместе со многими киевскими храмами. Поэтому гибель Киева Булгаков воспринимал как гибель христианского Иерусалима. Оставался последний оплот веры христовой — Москва, третий Рим, как величали Москву в эпоху превращения Чертоль в место Пречистое, а Козьего болота — в Патриарший пруды. Именно в Москву отправился Булгаков после гибели Киева — Иерусалима, ставшего городом 18-ти революций.

Возникновение концепции “Москва — Третий Рим” относится ко второй половине XV ст., когда истекала седьмая тысяча лет от сотворения мира и ожидался неминуемый конец света, что отразилось, в частности, в исчислении Пасхи. Как указывает в своем исследовании “Этюды о русской истории” Б. Успенский⁴ русские и греческие Пасхалии (т. е. даты исчисления празднования Пасхи и Воскресения Господня) были исчислены только до 1492 г. Патриарх Зосима Брадатый, глава Русской православной церкви, составил весьма важный и для того времени и для современности документ

¹ Носовский Г. А., Фоменко А. Т. Москва в свете новой хронологии. М.: Вече, 2004. С. 137

² Петровский М. С. Мастер и город. Киев: “Дух і літера”, 2001. С. 291

³ Там же.

⁴ Успенский Б. Этюды о русской истории. Восприятие истории в Древней Руси и концепция “Москва — Третий Рим”. М: Академия, 2002, С. 77–89.

“Изложение Пасхалии”, в котором рассчитал пасхальные недели на ближайшую тысячу лет. Для того, чтобы сделать подобное арифметическое действие не номинальным, а сакральным, Москву провозгласили Новым Константинополем, а московского великого князя Ивана Третьего — “государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином новому граду Константинову...”.

Поскольку Константинополь именовался в православии Вторым Римом, то, соответственно, Москва становилась Римом Третьим и последним. Однако, с теологической точки зрения, Вторым Римом церковь называла именно Иерусалим. Сама идея “Москва — Новый Иерусалим” не только стала актуальной для русского культурного сознания, но на протяжении двух последующих столетий нашла прямое воплощение в географическом пространстве Москвы и Подмосковья. Так, в Подмосковье существует памятник русской архитектуры Новый Иерусалим (Новоиерусалимский Воскресенский монастырь), а речку Истру в районе монастыря местные жители называют Иорданом.

Топографическое совпадение, возможно, помогло Булгакову выкристаллизовать идею будущего романа, идею Апокалипсиса у стен кремлевских. Если крещение Руси начиналось у Черторыи, то Черторье московское, можно было назвать местом “апокалиптического масштаба”. Во всяком случае, Сатану в Москве можно было ожидать именно там. К тому же, появляется Воланд со стороны Малого Козихинского переулка, Козихи, где в XIX ст. располагался квартал студенческий, квартал Каракозова и Шатова, у москвичей квартал этот назывался адом.

Если обозначить типологическое сходство городов Иерусалима, Киева, Москвы, то даже первичная архитектура городов практически совпадает: “...несколько холмов обнесены высокою каменною зубчатою стеною, по углам стены возвышаются высокие башни, по направлению дорог в крепостной стене сооружены ворота. Над этими воротами стоят грозные башни”¹. В этом описании, приведенном в книге М. Петровского “Мастер и Город”, можно узнать и Иерусалим, и Киев с его Золотыми воротами, и, конечно же, Кремль. Москва строилась концентрическими кругами: сначала Кремль с его крепостными стенами и воротами, город власти и духовенства, затем Китай-город, город торговый.

Белый или Царев-Город, — третий такой круг. Он занимал пространство между стеной Китай-города и неправильным полукольцом от Яузского моста до Пречистенских ворот. Его пересекали, расходясь по радиусам, улицы Покровка, Мясницкая, Сретенка, Петровка, Тверская, Б. Никитская, Арбат. Здесь селились именитые купцы, дети боярские, приказные, “обеленные”, то есть освобожденные от налога. Белый город был обнесен стенами, были и ворота: Никитские, Покровские, Пречистенские.

В город обычно входят через ворота, но в древности ворота для города значили гораздо больше, чем просто вход. У ворот велась оживленная торговля, производился суд, собирались собрания, произносились проро-

---

¹ Петровский М. С. Мастер и город. Киев: “Дух і літера”, 2001. С. 297

чества. Если неприятель захватывал ворота, город уже не мог устоять. В Иерусалиме было 12 главных ворот, соотносившихся с двенадцатью коленами израилевых.

Но существуют со времен Иерусалима еще два символических значения слова ворота (врата). Это царские ворота — главная часть православного храма, и “врата ада”, понимаемые православием как “вся сила и совет ада”. Вход Воланда через Козиху, ад, как ее называли москвичи в XIX ст., вызывают устойчивую ассоциацию как раз с вратами ада. Это соотносится с идеей “Москва — Новый Иерусалим”, так как само выражение Новый Иерусалим восходит к Апокалипсису и в то же время ассоциируется с пасхальным песнопением: “Светися, светися, новии Иерусалиме, слава бо господня на тебе возсия ...”¹.

Рим, гибель Рима — наиболее часто встречающийся эпизод литературных инсценировок М. А. Булгакова, в частности, киносценария “Мертвые души” (“Мастер и Город”, с. 250). Падение — это всегда закат нации, а события романа “Мастер и Маргарита” разворачиваются в “час небывало жаркого заката...”.

Л. Яновская, анализируя в “Треугольнике Воланда” варианты начала романа в разных редакциях, отмечала, что слоги “чер”, “черт” предваряют появление Воланда и его узнавание читателем. “Вслушайтесь, — пишет исследовательница, — как начинает шуршать слово “чер”... Черная роговая оправа, черные тапочки Ивана... Тут же дважды чертыхнется Берлиоз... Мы узнаем, что Бездомный “очертил” главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень “черными красками”, ... а в небе, предчувствуя вечернюю прохладу, “бесшумно чертили черные птицы”².

Многие исследователи обращали внимание на необычный ритмический рисунок первой страницы романа, предвосхищающий появление сатаны. Булгаков примерял к Воланду различные театральные костюмы, чтобы сатана был узнан с первого же появления. Странная пустота Патриарших в момент явления Воланда — сцена, контрастная картине А. Иванова “Явление Христа народу”³. Нет людей, нет всеобщей радости от явления Мессии, нет воды. Вспомните жажду героев и отсутствие “живительного нарзана”, само недоумение женщины в будочке: откуда в преддверии ада взяться живительной влаге? Героев мучит “адская жажда”, и в это время на Патриарших появляется “владыка ада” со своей свитой.

Проанализировав истоки важнейшего для романа “Мастер и Маргарита” культуронима Патриаршие пруды и связанного с ним исторического топонима Чертолье, можно вычленив три смысловых пласта романа: римско-христианский, пласт эпохи Ивана Грозного и опричнины и, наконец, современный Булгакову пласт Москвы без креста, без Бога, Москвы атеистической, по улицам которой на святую Пасху разгуливает Сатана, неузнанный и потому — неизгнанный. Эти пласты необыкновенно важны для интерпретации религиозно-философского измерения великого романа.

¹ Пасхальные песнопения. Цит. по сайту: <http://days.pravoslavie.ru>

² Яновская Л. Треугольник Воланда. Киев: Лыбедь, 1992, С. 64.

³ А. Иванов. Явление Христа народу (Явление Мессии). 1837–1857 гг. ГТГ.

Л. М. Сорокіна,

старший викладач

Московського гуманітарного інституту імені К. Р. Дашкової

**КУЛЬТУРОНІМ МОСКВИ У РОМАНІ М. А. БУЛГАКОВА
“МАЙСТЕР І МАРГАРИТА”**

Резюме

Літературна географія Москви, вивчення культуроніму Москви у творчості М. А. Булгакова мають величезне значення для дешифрування образності і символіки безсмертного роману “Майстер і Маргарита”. Московські маршрути, топоніміка, історико-культурні реалії, представлені в романі, є основою для реконструкції змістової наповненості булгаковської Москви.

Ключові слова: літературна географія М. А. Булгакова, “Майстер і Маргарита”, культуронім, топонім, московські маршрути.

L. M. Sorokina,

**CULTURONIM OF MOSCOW IN THE NOVEL BY M. A. BULGAKOV
“THE MASTER AND MARGARITA”**

Summary

The literary geography of Moscow, studies of culturonim of Moscow in the works of M. A. Bulgakov are of great importance for the decoding of the figurativeness and symbolics of the immortal novel “The master and Margarita”. Moscow itineraries, toponymy, historic and cultural realities, reproduced in the novel make the base for the reconstruction of the semantic plenitude of Bulgakov’s Moscow.

Key words: literary geography, M. A. Bulgakov, “The master and Margarita”, culturonim, toponym, Moscow itineraries.